

можно обнаружить лишь одно ударение? Видимо, этот вопрос требует более детального обсуждения.

В. Б. Касевич разработал новую классификацию просодических систем, основанную на трех признаках релевантности/иррелевантности: просодической характеристики каждого слога; места ударения; качества ударения. В результате он получает шесть классов, которые представляют несомненный интерес. Здесь же автор касается проблемы фонаций, часто привлекающей к себе внимание лингвистов в последнее время. Автор прав, считая, что эта проблематика требует отдельного исследования.

В двух заключительных главах «Фонологические аспекты речевой деятельности» и «Фонологический компонент языка и его уровни» предпринята попытка осветить некоторые, весьма существенные аспекты, связанные с функционированием тех компонентов языковой системы, которые ответственны за порождение и восприятие звуковой стороны речи. Продуктивной представляется мысль автора о том, что «первым должен генерироваться интонационный контур, поскольку он наиболее тесным образом соотносится с семантическим планом высказывания» (с. 193). Порождение ритмических структур — это следующий шаг в конкретизации общего замысла. И при порождении речи, и при ее восприятии происходит движение с высших уровней к более низким.

В последней главе В. Б. Касевич подводит итог наиболее важным для него теоретическим положениям. По его мнению, не вполне корректно считать фонологию нижним уровнем языкового анализа. Это особый сложный организованный уровень со своей иерархией единиц, куда

включены и интонационные, и просодические, и сегментные компоненты, которые коррелируют с другими явлениями языка — глубинной семантикой, коммуникативными типами высказывания, морфологической структурой слова.

В целом в книге изложена непротиворечивая концепция — результат многих лет чтения лекций, проведения экспериментов, размышлений над кардинальными проблемами фонологии. Ее прочтение будет полезным не только для фонетистов, но для всех тех, кому небезразлично новое слово в науке о языке. Не случайно решением Ученого совета Ленинградского ордена Ленина и Трудового Красного знамени Государственного Университета имени А. А. Жданова от 28 января 1985 года В. Б. Касевичу за научные работы по общему и восточному языкознанию присуждена университетская премия первой степени.

Торсуева И. Г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Торсуева И. Г. Проблемы теоретической фонетики и фонологии. Л., 1969.
2. Алатов В. М. Вопросы восточного языкознания. М., 1983.
3. Принципы описания языков мира. М., 1976.
4. Горгониев Ю. А., Плавин Ю. Я., Рождественский Ю. В., Сердюченко Г. П., Соколов В. М. Общие черты в строе китайско-тибетских и тибетологических близких к ним языков Юго-Восточной Азии (к проблеме моносиллабизма). — В кн.: XXV Международный конгресс востоковедов: Доклады делегации СССР. М., 1961.

Структура предложения в языках различных типов. Палеоазиатские языки. Стр. ред. Павфилов В. З., Скорик П. А. — Л.: Наука, 1984. 270 с.

Рецензируемая книга представляет собой коллективную монографию, посвященную вопросам синтаксиса ряда палеоазиатских языков, а именно чукотского, корякского, эскимосского и ительменского. При значительных успехах, достигнутых в 50—70-е годы в области исследования морфологии палеоазиатских языков [1—5], их синтаксис оставался фактически не изученным, так как затрагивался лишь частично в отдельных статьях [6—8] в плане выяснения общего типологического состояния этих языков или в кратких очерках об этих языках [9—10], а в основном лишь косвенно в связи с исследованием морфологии частей речи и определением статуса различных грамматических категорий. Между тем общезвестно, что без изучения синтаксиса того или иного языка нельзя получить полного представления о его строе в целом, ибо, как полагал акад. И. И. Мещанинов, «...строение языка сводится в основном к лексике и синтак-

сису, обслуживаемым разными средствами морфологии» [11]. Это особенно важно в отношении палеоазиатских языков вследствие своеобразия их паратаксиса и гипотаксиса, а также в связи с проблемами эргативности, вербобентризма, инкорпорации, полисинтетизма и т. д. Поэтому рецензируемая монография открывает новый этап в исследовании палеоазиатских языков, в первую очередь структуры предложения в этих языках. Однако монография представляет значительный вклад и в общую теорию предложения, поскольку в ней поднимаются и плодотворно решаются кардинальные проблемы предложения как универсальной языковой единицы.

Первая глава монографии «Структура предложения и его признаки как языковой единицы» является общетеоретической основой книги в целом.

В соответствии с положением диалектического материализма о единстве языка и мышления автор этой главы —

В. 3. Павфилов — обосновывает необходимость анализа предложения как особой языковой единицы в единстве с воплощенными в нем формами мышления, прежде всего с суждением.

В суждении четко выделяются два структурных уровня — уровень структуры суждения как пропозициональной функции, представляющей собой сочетание *и*-местного предиката и его аргументов, и уровень субъектно-предикатного членения. Структура суждения как пропозициональной функции отражает характер объективных связей в действительности, субъектно-предикатная структура обусловливается направленностью познавательного процесса. Обе структуры находят формально-языковое выражение в структуре предложения. Автор справедливо утверждает, что первая из них коррелирует с синтаксическим членением предложения, не находясь с ним, однако, в отношении взаимно-однозначного соответствия, вторая же изоморфна логико-грамматическому, или актуальному, членению предложения, которое, как обоснованно подчеркивается в рецензируемой книге, должно изучаться в синтаксисе наряду с синтаксическим членением предложения. Вполне оправдана критика попыток рассматривать логико-грамматическое членение как явление, промежуточное между мыслью и ее структурой, с одной стороны, и предложением как языковой единицей — с другой, поскольку логико-грамматическое членение предложения есть не что иное, как субъектно-предикатная структура мысли, компоненты которой маркированы определенными формальными языковыми средствами.

Представляется правомерным признание предикативности всеобщим свойством всех типов предложения, ее квалификация как отнесенности содержания предложения к действительности и критика в связи с этим теорий, сводящих предикацию к обобщению или усматривающих выражение предикативности в категориях лица и времени. Естественным оказывается вывод о связи предикативности с модальностью. Бесспорной заслугой автора является четкое разграничение предикативности как принадлежности логико-грамматического уровня предложения и сказуемости как признака синтаксического уровня, хотя специфика сказуемости в монологии, к сожалению, не раскрывается. Правильно отмечая, что в предложениях с логико-грамматическим членением предикативность осуществляется в предикативном отношении, т. е. в отношении между логико-грамматическим субъектом и предикатом, автор, однако, не выясняет, как осуществляется предикативность при отсутствии такого членения.

Убедительными представляются критика слишком широкого понимания модальности, разграничение модальности субъективной и объективной при учете отсутствия резкой грани между ними, отнесение субъективной модальности к логико-грамматическому уровню, а объективной модальности к синтаксическому уровню членения предложения.

Справедливо признание объективной модальности как отражения характера связей самой объективной действительности составной частью конкретного содержания предложения, а субъективной модальности как оценки адекватности этого отражения — формально-грамматическим значением предложения, формальной характеристикой выражаемой мысли. Подчеркивая, что и субъективная, и объективная модальность получают полное выражение только в составе предложения, автор допускает возможность их выражения и вне предложения. Действительно, объективная модальность может выявляться и вне предложения (в словосочетании). Бесспорным фактом, konstатированным в первой главе, является выражение субъективной модальности в обособленных определительных оборотах, однако сами эти обороты возможны только в составе предложения; изолированные от предложения, они теряют статус обособленных и перестают выражать субъективную модальность, которая обнаруживается лишь на стыке обособленного оборота и поясняемого им слова или сочетания слов.

В работе большое внимание уделено соотношению и взаимодействию синтаксического и логико-грамматического уровней членения предложения, хорошо раскрыта специфика этого взаимодействия в языках различных типов. Весьма значимым представляется вывод о том, что логико-грамматическое членение предложения обслуживает только субъектно-предикатную структуру суждения, а синтаксическое членение при совпадении направленности действия обоих уровней структуры суждения обслуживает не только структуру суждения как пропозициональной функции, но и его субъектно-предикатную структуру. Несомненную ценность составляют соображения автора о соотношении различных формально-языковых средств маркирования субъектно-предикатной структуры мысли.

Последующие главы книги (II—V) посвящены соответственно синтаксису эскимосского, чукотского, корякского и ительменского языков; они написаны ведущими специалистами по этим языкам — Г. А. Меновщиковым, П. Я. Скорником, А. Н. Жуковой, А. П. Володиным — и в целом дают достаточно полное представление о структурных типах предложений в этих языках.

Во второй главе рассмотрены структурные разновидности предложения в эскимосском языке — предложения абсолютной конструкции, эргативной конструкции, двучленные бессубъектные предложения с глаголом страдательно-пассивного значения типа *Кййжи, пийг-нак* «Собака привязана», *Нйй-ах анй-гуль-агум* «Гору заснежило», одночленные предложения с отымненными безличными глаголами типа *Мам-чэта* «Стемнело» и др. Весьма ценны наблюдения автора о различных вариантах абсолютной и эргативной конструкций — двух основных структурных типов эскимосского предложения. Отмечается, что ведущим признаком эргативной конструк-

ции предложения является глагол в его субъектно-объектной форме в сочетании с субъектным актантом, выраженным именем в эргативном (относительном) падеже, и объектным актантом, выраженным именем в абсолютном падеже: *Иугым агламатка кикимик* «Человек ведет-он-ее собаку». Любопытно, что это же предложение основывается на абсолютной конструкции, если субъектно-объектная форма глагола заменяется на субъектную, управляющую не прямым дополнением в абсолютном падеже, а косвенным в творительном падеже: *Иук агламтикук кикимим* «Человек ведет-он собаку». Автор подробно разбирает случаи элитирования именных членов предложения и случаи оформления подлежащего при эргативной конструкции предложения не эргативным, а абсолютным падежом. В главе впервые рассмотрены вопросы актуального членения эскимосского предложения и его модальность, дан обстоятельный анализ членов предложения, порядка слов в предложении, а также синтаксических образований, выполняющих роль придаточных предложений. На основе исследования актуального членения предложения делается очень важный вывод о том, что актуализация различных членов предложения достигается в эскимосском языке не с помощью интонационных средств и порядка слов, а изменением всей структуры предложения. Так, при логическом выделении в предложении *Оготинк ведет собаку* объекта действия используется эргативная конструкция (*Иогсиниктим агламатка кикимик*), а при логическом выделении субъекта действия или самого действия — абсолютная конструкция (*Иогсиникта агламтикук, кикимим*), хотя в том и другом случае действие мыслится как переходное. Отмечается, что модальность в эскимосском языке также является одним из способов актуализации действия и выражается как наклонениями глагола и его зависимыми периферийными формами, так и большой группой слов модальной семантики (наречия, модальные частицы и союзы, модальные аффиксы) и иптонаций.

Касаясь вопроса генезиса эргативной конструкции в эскимосском языке, автор предполагает, что она возникла в результате преобразования именных possessивных конструкций типа *Иугым паница* «человека копые-его»; между именными членами подобных конструкций вставлялся глагол с субъектно-объектным оформлением, что как раз и давало эргативную структурную разновидность предложения. Внешнее оформление эргативной конструкции, возможно, развивалось по предложенной автором схеме (ср. также замечания И. И. Мещанинова о сходстве в эскимосском языке эргативной глагольной и possessивной именной конструкций [11, с. 108—109]), но с содержательно-типологической точки зрения появление эргативной конструкции было, несомненно, обусловлено изменением общего типологического состояния языка и ориентацией эскимосского языкового типа на передачу агентно-фактивных отношений.

В третьей главе монографии рассматриваются структурные разновидности предложения в чукотском языке. Автор выделяет прежде всего две основные группы: (1) глагольные предложения и (2) предложения с неглагольным сказуемым, а внутри первой — непереходно-глагольные и переходно-глагольные предложения, предложения с инкорпоративным глагольным комплексом и предложения с аналитическим сказуемым. Кроме того, как и во второй главе, в третьей рассмотрены предложения с деперичастными оборотами, заменяющими придаточные предложения, а также способы выражения модальности и порядок слов в предложении.

Внимание автора сосредоточено прежде всего на двух основных структурных разновидностях предложения в чукотском языке — эргативном и абсолютном (в терминологии автора — номинативном).

Соответствующий раздел главы начинается с обсуждения давнего спора об активном или пассивном характере эргативной конструкции, который представляется в свете новейших исследований эргативности (см. особенно [12, 13]) уже не актуальным.

Заслуживают внимания выводы автора о различных вариантах эргативной конструкции при сказуемом в конкретно-объектной форме и значене эргативной конструкции абсолютной при сказуемом в обще-объектной форме, ср.: *Гымнан тугмыт матжиит тыйзонат* «Я товарищей едва догнал» — *Гым тинэрэтыр кым тэкигэз томгэты* «Я везу мясо товарищам».

Обстоятельному анализу подвергнуты также предложения с инкорпоративным глагольным комплексом, являющиеся отличительной особенностью чукотско-камчатских языков (кроме ительменского). Автор не углубляется в традиционный спор о сущности инкорпорирования, отсылая читателя к своим прежним работам. Между тем, учитывая, что вопрос об инкорпорировании остается актуальным, было бы целесообразно рассмотреть на материале чукотского языка интересные идеи В. З. Панфилова об инкорпорировании, высказанные еще в 50-х годах [14—16], в частности, положение о том, что в живском языке в соответствующих случаях наблюдается примыкание, а не инкорпорирование, а также выводы акад. И. И. Мещанинова [17] и учесть важные положения А. Н. Жуковой в ее недавней статье [18].

Анализируя предложения с инкорпоративным глагольным комплексом, автор выявил условия употребления в них эргативной и абсолютной конструкций. Интересно, что включение имени прямого объекта в инкорпоративный комплекс приводит к внутрисглагольной переходности как качественной характеристике действия, и в итоге такая инкорпоративная конструкция предложения оформляется как абсолютная.

В главе убедительно показано, что в чукотском простом предложении, как и в предложении большинства палеоазиатских языков, доминирует глаголь-

дая словоформа, являющаяся в силу своего субъектно-объектного оформления организующим центром предложения, а имеющие члены предложения конкретизируют субъектно-объектные глагольные показатели. Отмечается также, что в чукотско-камчатских языках простое предложение превалирует над сложным, особенно сложноподчиненным. Представляется, однако, спорным вывод автора о том, что слабая развитость в чукотском языке сложноподчиненных предложений обусловлена широким распространением деепричастных оборотов, отличающихся в этом языке большей самостоятельностью, чем соответствующие обороты в иноструктурных языках. Слабая развитость чукотских сложноподчиненных предложений не вытекает с неизбежностью из факта широкого распространения деепричастных оборотов, о чем свидетельствует материал многих других сибирских языков.

В четвертой главе исследуется структура предложения в корякском языке. После краткой характеристики предложений, основывающихся на абсолютной и эргативной конструкциях, описаны члены предложения, типы синтаксических отношений и приемы их выражения, модальность, порядок слов и рассмотрены вопросы актуального членения предложения. Отмечается, что в предложениях со сказуемым — переходным глаголом, для которых характерно эргативное построение, подлежащее принимает в зависимости от того, чем оно выражено (личным местоимением, именем 1 или 2-го склонения) форму эргативного, творительного или местного (совмещающих эргативных) падежей. Очень важными представляются выводы автора об актуальном членении корякского предложения в связи с особенностями употребления инкорпоративных комплексов, порядком слов и лексической наполняемостью предложений. Установлено, что для актуализации членов предложения используется наличие/отсутствие инкорпорирования, инверсия, эллипсирования личных местоимений, а также варьирование синтетических и аналитических форм глаголов переходной семантики типа *Ынан тыма йытнин кайчы* «Он убил медведя» — *Ынан тымэн кайчы* «Он убил медведя» с логическим выделением сказуемого в первом варианте.

Пятая глава посвящена изучению структуры предложения в ительменском языке. Обобщая результаты прежних исследований по ительменскому глаголу и структуре простого ительменского предложения, автор приходит к выводу, что нет оснований для выделения в этом папеоазийском языке эргативной конструкции и он может в целом рассматриваться как язык номинативной типологии. Аргументация автора представляется убедительной; особенно показателем факта наличия в этом языке залоговой (актив : пассив) оппозиции, ср.: *Т'салай энкичиен мин'д'* «Лиса поймала зайца» — *Мин'д' энкичиен т'салайенк* «Заяц пойман лисой».

Далее автор описывает способы выражения членов предложения, структуру

вопросительных, побудительных и отрицательных предложений, способы выражения модальности. Особое внимание уделено вопросам актуального членения предложения, которое связано, с одной стороны, с порядком слов в предложении, а с другой — с известными структурными изменениями в предложениях с инфинитивом III; так, при субъектно-объектной конструкции субъект и объект актуализуются в равной мере и оба оформлены основным падежом; при обобщенно-субъектно-объектной конструкции структурообразующим компонентом является только объект, оформленный основным падежом; субъект является второстепенным компонентом конструкции и оформлен косвенным (местным) падежом.

Несмотря на некоторые частные отличия, в главах II—V охватывается в целом один и тот же круг вопросов — основные структурные разновидности предложения, члены предложения и их выражение, характеристика типов синтаксической связи, выражение модальности (объективной и субъективной, по В. З. Панфилову [9]), порядок слов, актуальное (или логико-грамматическое, по В. З. Панфилову [20]) членение предложения и др. Таким образом, монография представляет исследование синтаксиса простого предложения, хотя в разделах II и III глав о деепричастных оборотах затронуты и вопросы сложноподчиненного предложения.

Поскольку книга задумана как коллективная монография, то следовало бы избежать терминологического разноречия, в частности касающегося абсолютного падежа и абсолютной конструкции предложения. Так, в III и V главах употребляются термины «номинативная конструкция», «(прямой) номинативный падеж», противопоставляемые терминам «эргативная конструкция», «эргативный падеж»; но в описаниях языков эргативного строя оправдан именно термин «абсолютный», введенный Б. Г. Богоразом и акад. И. И. Мещаниновым и всесторонне аргументированный в работах Г. А. Климова [21].

Важный вопрос о залоговых оппозициях получил достаточно полное освещение только во II и V главах; лишь косвенно затронуты вопросы актуального членения предложения в III главе, посвященной синтаксису чукотского языка; не рассмотрены различные варианты эргативной конструкции на материале корякского языка.

В целом монография представляет собой значительное событие в отечественной лингвистике; она является крупным вкладом в исследование папеоазийских языков — одной из групп языков народов СССР. При этом изучение синтаксиса конкретных языков осуществлено на солидной базе общей теории предложения, изложенной в I главе.

Вернер Г. К., Чесноков П. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скорик П. Я. Грамматика чукотского языка. Ч. I. М. — Л., 1961; Ч. II. Л., 1977.

2. Панфилов В. З. Грамматика нивхского языка. Ч. 1. М.—Л., 1962; Ч. II. М.—Л., 1965.
3. Меновицков Г. А. Грамматика языка азиатских эскимосов. Ч. 1. М.—Л., 1962; Ч. II. М.—Л., 1967.
4. Жукова А. Н. Грамматика корякского языка. Л., 1972.
5. Володин А. П. Ительменский язык. Л., 1976.
6. Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
7. Володин А. П. К вопросу об эргативной конструкции предложения (на материале ительменского языка).— ВЯ, 1974, № 1.
8. Вахтин Н. Б. Реликты активного строя в эскимосской глагольной парадигме.— В кн.: Языки и топонимия. Вып. 7. Томск, 1980.
9. Скорик П. Я. Очерки по синтаксису чукотского языка. Л., 1948.
10. Палеоазиатские языки.— В кн.: Языки народов СССР. Т. V. Л., 1968, с. 267—269, 288—290, 307—308, 331—332, 346—348, 383—384, 402—404, 429—430.
11. Мещанинов И. И. Эргативная конструкция в языках различных типов. Л., 1967, с. 3.
12. Климов Г. А. Очерки общей теории эргативности. М., 1973.
13. Климов Г. А. Типология языков активного строя. М., 1977.
14. Панфилов В. З. К вопросу об инкорпорировании в нивхском языке.— В кн.: Тезисы докладов Второй научной конференции аспирантов-языковедов. Л., 1953.
15. Панфилов В. З. Нивхские количественные числительные: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1953.
16. Панфилов В. З. К вопросу об инкорпорировании (на материале нивхского языка).— ВЯ, 1954, № 6.
17. Мещанинов И. И. Номинативное и эргативное предложения. Типологическое сопоставление структур. М., 1984.
18. Жукова А. Н. Инкорпоративный комплекс как словосочетание в языках чукотско-камчатской группы.— ВЯ, 1984, № 6.
19. Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971, с. 174—200.
20. Панфилов В. З. —К вопросу о логико-грамматическом уровне языка.— ZPSK, 1962, Нф. 3—4.
21. Климов Г. А. О позиционных падежах эргативной системы.— ВЯ, 1983, № 4.

Варбот Ж. Ж. Праславянская морфология, словообразование и этимология.— М.: Наука, 1984. 255 с.

Подъем славянской этимологии, начавшийся в середине XX в. и бесспорно продолжающийся, выразился как в успехах конкретной этимологизации славянской лексики, так и в развитии теории славянской этимологии, взаимообогащающих друг друга. В настоящее время созданы основы праславянской лексикологии и лексикографии. Решение задач реконструкции и этимологизации праславянского лексического фонда опирается на современную теорию и методику этимологии как комплексной дисциплины, тесно связанной с другими областями языковедения и с сопредельными науками. Новая книга Ж. Ж. Варбот — яркое тому подтверждение.

В рецензируемой книге предметом изучения избраны морфологические и словообразовательные проблемы этимологии, решаемые при максимальном использовании всех достижений сравнительно-исторической грамматики славянских языков и смежных областей науки. Автор выдвигает на первый план исследования следующие вопросы морфологии и словообразования: ступень удлинения в славянских языках, вариантность корневого вокализма в отглагольных именах, вторичный аблаут, морфологическое переразложение в славянских глаголах с основой на -*но-*, некоторые праславянские именные суффиксальные модели (редкие, архаичные), вариантность суффиксальной структуры в именах. Разумеется, морфологичес-

кая и словообразовательная проблематика праславянской этимологии не исчерпывается этим кругом вопросов, но нельзя не согласиться с хорошо аргументированным мнением автора, что указанные проблемы принадлежат к числу наиболее актуальных.

В освещении спорных и существенных для этимологии вопросов теории долгой ступени праславянского аблаута (1-я гл.) автор опирается на наиболее последовательную и емкую теорию ступени удлинения, разработанную Е. Куриловичем. При этом анализируются те вопросы, трудность решения которых отмечал уже Курилович и последующие исследователи. Речь идет, во-первых, о производящих основах для глаголов на -*ити* и отглагольных имен с корневым **б* при отсутствии родственных глаголов с корневым **о* и, во-вторых, об источниках вариативности **о*:**б* в глаголах на -*ити* и отглагольных именах. В книге привлечен обширный материал, превосходящий базу предыдущих исследований по этим вопросам и включающий значительное количество собственно авторских этимологических сопоставлений. Анализ представленного материала служит основой для реконструкции (как ответ на 1-й вопрос) промежуточного этапа в развитии праславянской ступени удлинения, характеризующегося возможностью чередований *е:б*, *ъ(ь):б*, *е:б(ь)*, что представляется достаточно аргументированным.